

Илья
Шуралец

Исцеление
Ильи **М**уромца

Илья **М**уромец
и **С**оловей
Разбойник

РФ
И49

Исцеление Ильи Муромца

славном городе во Муроме,
Во селе было Карачарове
Сиднем сидел Илья Муромец,
Илья Муромец, крестьянский сын,
Сиднем сидел ровно тридцать лет.
Уходил государь его батюшка
Со родимою со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Как приходили два калики перехожие,¹

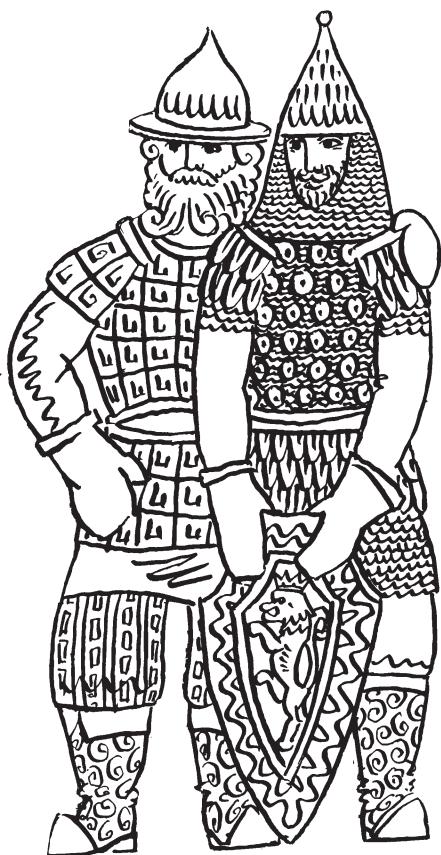
¹ Калики перехожие — странствующие богатыри, паломники.

Приходили под окошечко косяцато.
Говорят калики таковы слова:
„Ай же ты, Илья Муромец,
Илья Муромец, крестьянский сын!
Отворяй каликам ворота широкие,
Ты пусти калик к себе во дом“.
Ответ держит Илья Муромец:
„Ай же вы, калики перехожие!
Не могу отворить ворот широких,
Сиднем сижу ровно тридцать лет,
Не ходят мои ножки резвые,
Не служат мои руки белые“.
Опять говорят калики перехожие:
„Вставай-ка, Илья, на резвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкие,
Ты пускай калик к себе во дом“.
Вставал Илья на ноги резвые,
Отворял ворота широкие,
И пускал калик к себе во дом.
Приходили калики перехожие.
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Наливают чарочку питьица медвяного,
Подносят-то Илье Муромцу.
Как выпил он чару питьица медвяного,
Богатырско его сердце разгорелось,
Его белое тело распотелось.
Воспроговоят калики таковы слова:
„Что чувствуешь в себе, Илья?“
Бил челом Илья, да ответ держал:
„Слышу силушку в себе великую“.
Говорят калики перехожие:
„Будешь ты, Илья, великий богатырь,

И смерть тебе на бою не писана;
Бейся-ратися со всяким богатырем
И со всею полницею удалюю;¹
А только не выходи драться
Со Святогором-богатырем—
Его и земля на себе через силу носит;
Не бейся и с родом Микуловым—
Его любит матушка сыра земля;
Доставай, Илья, коня себе

богатырского,

Выходи в раздольице чисто поле,
Покупай первого жеребчика,
Станови его в сруб на три месяца,
Корми его пшеном белояровым.

А пройдет поры-времени три месяца,
Ты по три ночи жеребчика в саду

поваживай

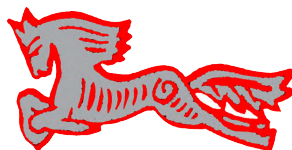
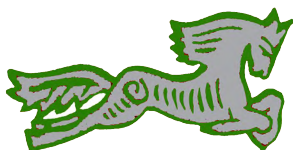
И в три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его к тыну ко высокому:
Как станет жеребчик через тын
перескакивать,
И в ту сторону, и в другую сторону,
Поезжай на нем куда захочется,
Будет конь служить тебе верой-правдою“.

Тут калики потерялись.

Пошел Илья ко родителю ко батюшке
На тую на работу на крестьянскую,
Очистить надо пал² от дубья-колоды:
Он дубье-колодые все повырубил,
Во глубоку реку все повыгрузил,

¹ Здесь: все, любые воины.

² Пал—место выжженного (спаленного) для пашни леса.

А сам пошел домой Илья Муромец.
Встали отец с матерью от крепкого сна—

испужались:

„Что это за чудо подеялось?

Кто бы это нам сработал работушку?“

И домой они отправлялися.

Как пришли домой они—дивуются:

Илья Муромец по избе похаживает.

Тут стали его спрашивать,

Как на ноги встал, вошел в силушку.

Илья Муромец и поведал им,

Как приходили калики перехожие,

Поили его питьцем медвяным:

В руки-ноги пришло володеньце,

И получил он силушку великую.

Пошел Илья в раздольице поле чистое,

Видит: мужик ведет жеребчика немудрого,

Бурого жеребчика косматенького.

Покупал Илья того жеребчика,

Становил жеребчика в сруб на три месяца,

Кормил его пшеном белояровым,

Поил свежей ключевой водой.

И прошло поры-времени три месяца,

Стал Илья жеребчика по три ночи в саду поваживать,

В три росы его выкатывал,

Подводил ко тыну ко высокому,

И стал бурушко через тын перескакивать,

И в ту сторону, и в другую сторону.

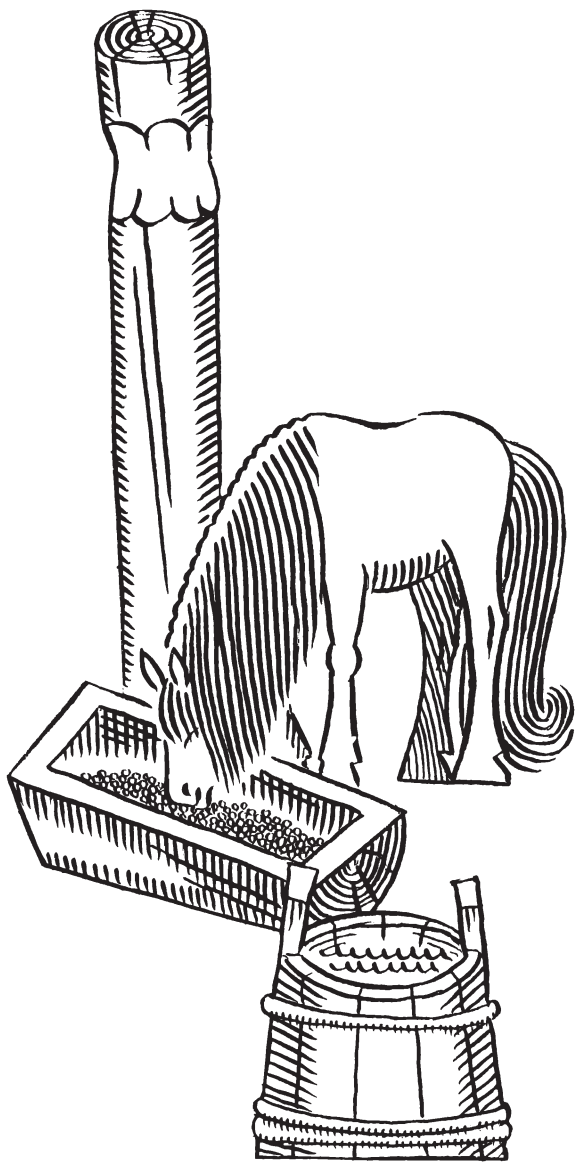
Тут Илья Муромец сын Иванович

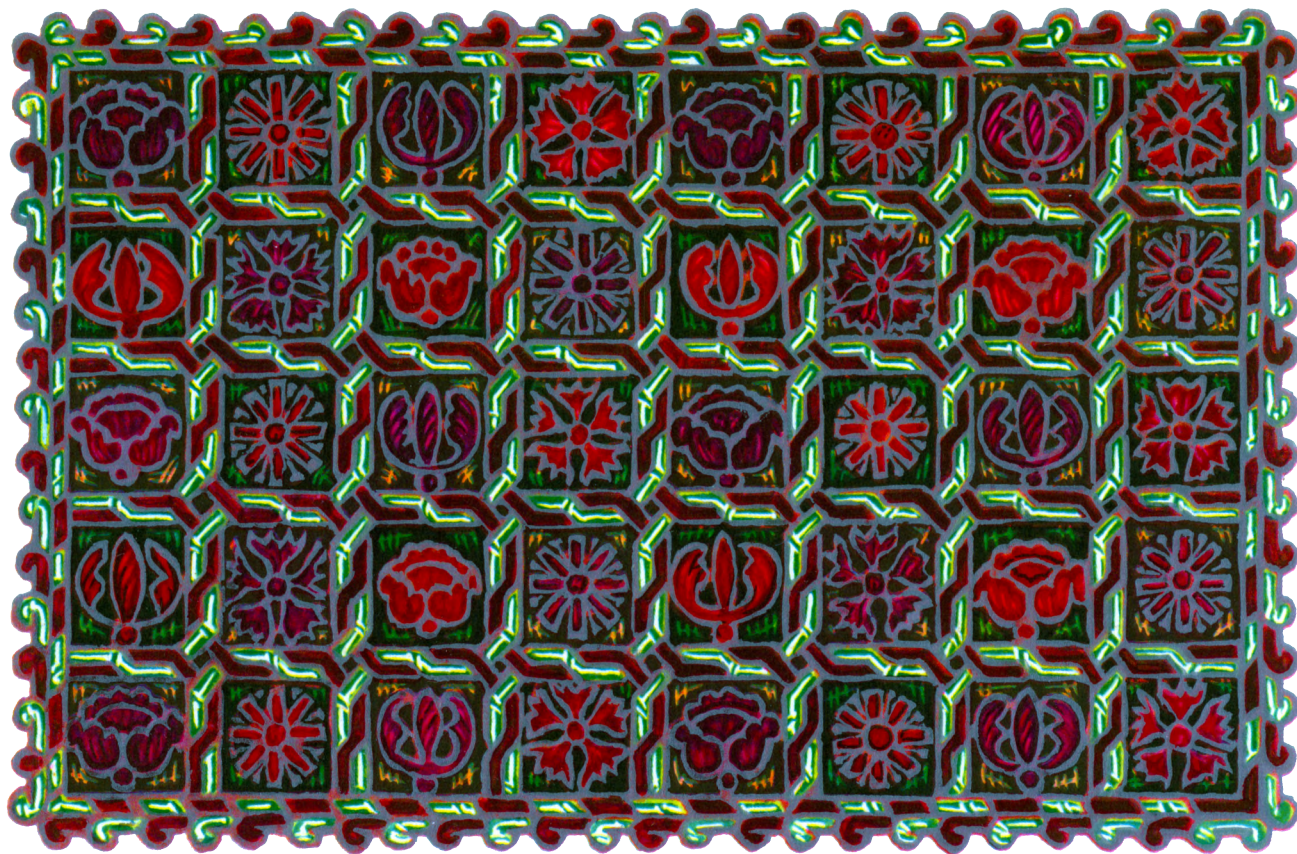
Седлал добра коня, зауздывал,

Брал у батюшки, у матушки

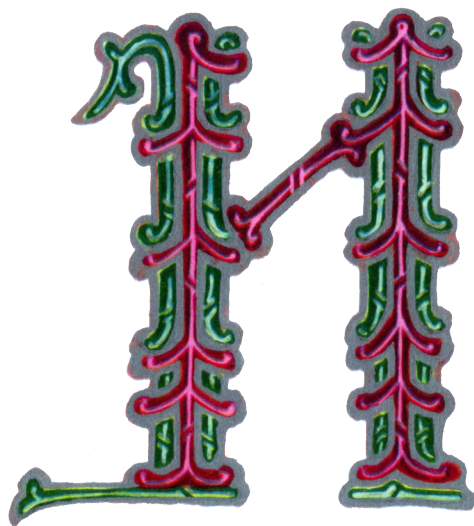
Прощеньице-благословеньице

И поехал во раздольице поле чистое.

Илья Муромец и Соловей Разбойник

з того ли-то города из Мурома,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец;
Он стоял заутреню во Муроме,
Ай к обедне поспеть хотел он в стольный

Киев-град.

Да й подъехал он ко славному ко городу

Чернигову.

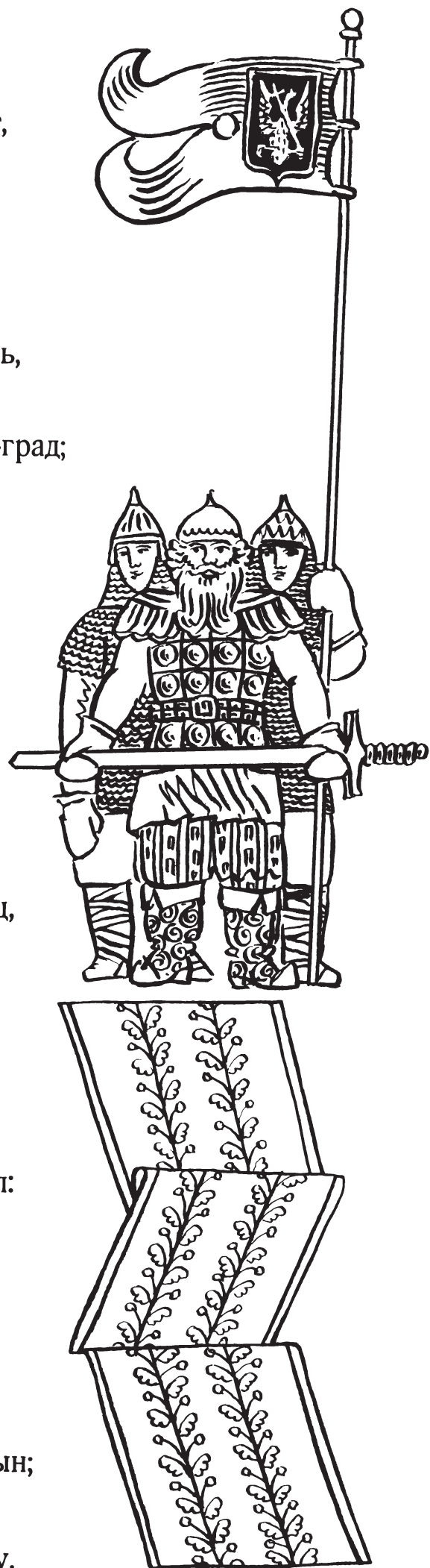
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как черна ворона;

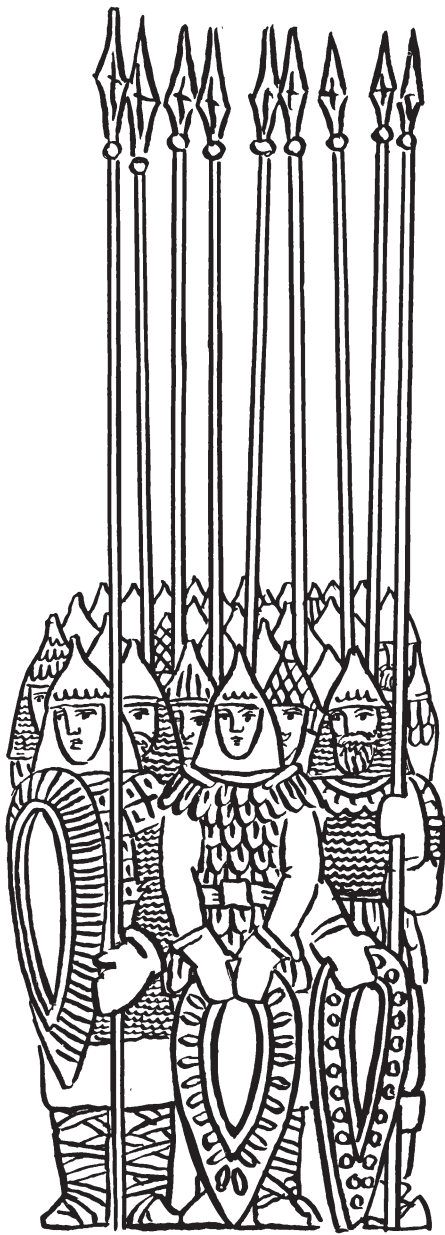

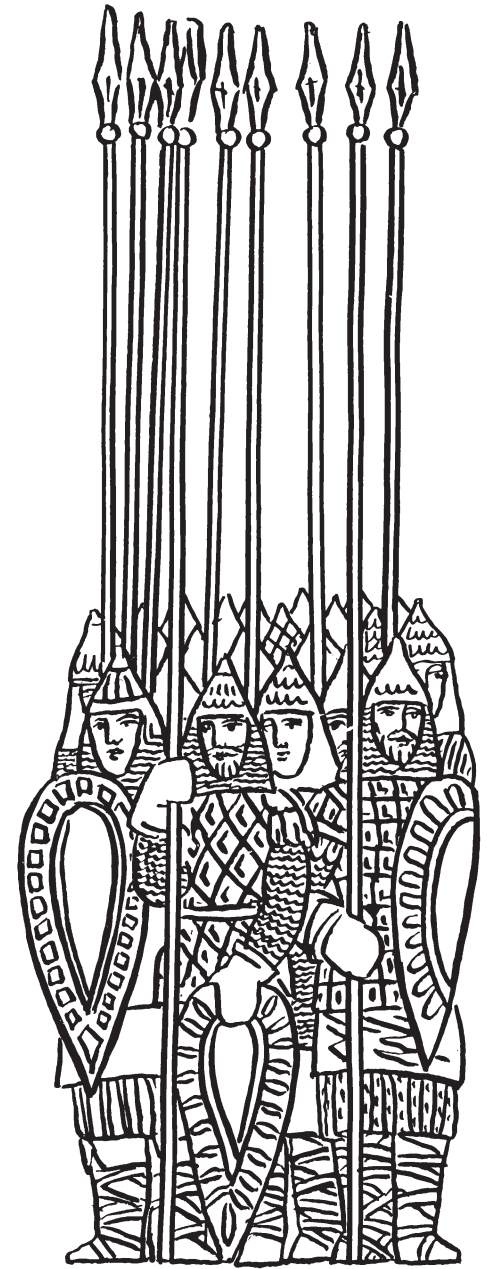

Так пехотою никто тут не прохаживат,
 На добром коне никто тут не проезживат,
 Птица черный ворон не пролетыват,
 Серый зверь да не прорыскиват.
 А подъехал как ко силушке великой,
 Он как начал эту силушку великую
 Стал конем топтать да стал копьем колоть,
 Ай побил он эту силу всю великую.
 Он подъехал-то под славный под Чернигов-град;
 Выходили мужички да тут черниговски,
 Отворяли-то ворота во Чернигов-град.
 А й зовут его в Чернигов воеводою.
 Говорит-то им Илья да таковы слова:
 „Ай же мужички да вы черниговски!
 Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
 Укажите мне дорожку прямоезжую,
 Прямоезжую да в стольный Киев-град“.
 Говорили мужички ему черниговски:
 „Ты удаленький дородный добрый молодец,
 Ай ты славная богатырь святорусский!
 Прямоезжая дорожка заколодела,
 Заколодела дорожка, замуравела;
 Ай по той ли по дорожке прямоезжей
 Да й пехотою никто не прохаживал.
 На добром коне никто да не проезживал:
 Как у той ли-то у грязи-то у Черной,
 Да у той ли у березы у покляпя,
 Да у той ли речки у Смородины,
 У того креста у Леванидова
 Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,
 Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын;
 А то свищет Соловей да по-соловьему,
 Он кричит злодей Разбойник по-зверинуму.

От его ли-то от посвисту соловьего,
От его ли-то от покрику звериного
То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
Ай окольной дорожкой цела тысяча“.
Он пустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко грязи-то ко Чернойей,
Да ко тоей ко березе ко покляпяя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да й по-соловьему,
Закричал злодей Разбойник по-звериному —
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазоревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонялися.
Добрый конь да богатырский спотыкается.
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелкову в белу рученьку,
А он бил коня да по крутым ребрам;
Говорил-то Илья да таковы слова:
„Ах ты волчья сыть да травяной мешок!
Али ты идти не хошь, аль нести не мошь?
Не слыхал ли посвисту соловьего,
Не слыхал ли покрику звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?“

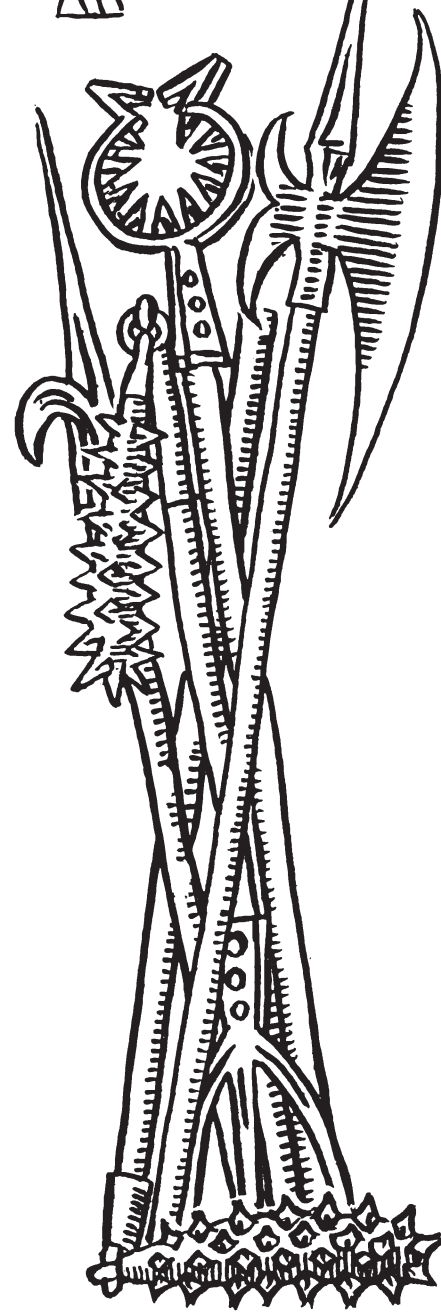
А й тут старыя казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой лук тугой разрывчатый,
Во свои берет во белы ручушки.
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
Да он стрелочку каленую накладывал,
Да он стрелил в того Соловья
Разбойника,
Ему выбил право око со косицею.
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремячку
булатному,
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышка повез да Соловьиного.
Во том гнездышке да Соловьином
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимых.
Больша дочка смотрит во окошечко косящато,
Говорит она да таковы слова:
„Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то он да на добром коне,
Да везет он мужичища-деревенщину
Да у правого у стремени прикована“.
Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
„Едет батюшка раздольцем чистым полем
Да й везет он мужичища-деревенщину,
Да й ко правому ко стремени прикована“.
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
„Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик да на добром коне,
Да й везет-то отца-батюшку у стремени,
У булатного у стремени прикована.

Ему выбито-то право око со косицею“.
 Говорила-то она да таковы слова:
 „Ай же мужевья наши любимые!
 Вы берите-ка рогатины звериные,
 Да бежите-ка в раздольице чистó поле,
 Да вы бейте мужичища-деревенщину!“
 Эти мужевья да их любимые,
 Зятевья то есть да Соловьиные,
 Похватали как рогатины звериные
 Да й бежали-то они да во чистó поле
 Ко тому ли к мужичищу-деревенщине,
 Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
 Говорит им Соловей Разбойник

Одихмантьев сын:

„Ай же зятевья мои любимые!
 Побросайте-ка рогатины звериные,
 Вы зовите мужика да деревенщину,
 В свое гнездышко зовите Соловьиное,
 Да кормите его ествушкой сахáрною,
 Да вы пойте его питьицем медвяным,
 Да й дарите ему дары драгоценные“.
 Эти зятевья да Соловьиные
 Побросали-то рогатины звериные,
 Ай зовут-то мужика да й деревенщину
 Во то гнездышко во Соловьиное.
 Да й мужик-то деревенщина не слушался,
 А поехал он по славну по чистó полю
 Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
 Он приехал-то во славный стольный Киев-град
 А ко славному ко князю на широкий двор.
 А й Владимир-князь он вышел со божьей церкви,
 Он пришел в палату белокаменну,
 Во столовую свою во горенку.

Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.

А й тут старыя казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,

Сам идет он во палаты белокаменны.

Проходил он во столовую во горенку,

На пяту он дверь-то поразмахивал,

Крест-от клал-то он по-писаному,

Вел поклоны по-ученому,

На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,

Самому князю Владимиру в особину,

Еще всем его князьям да подколennым.

Тут Владимир-князь стал молодца выпрашивать:

„Ты скажи-ка, ты откулешный, дородный добрый молодец,

Тебя как-то молодца да именем зовут,

Величают удалого по отечеству?“

Говорил-то старыя казак да Илья Муромец:

„Я из славного из города из Мурома,

Из того села да с Карачарова,

Есть я старыя казак да Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович!“

Говорит ему Владимир таковы слова:

„Ай же старыя казак да Илья Муромец!

Да й давно ли ты повыехал из Мурома,

И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?“

Говорил Илья да таковы слова:

„Ай ты славныя Владимир стольнокиевский!

Я стоял заутреню христовую во Муроме,

А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,

Да моя дорожка призамешкалась;

А я ехал-то дорожкой прямоезжею,

Прямоезжею дорожкой за Чернигов-град,

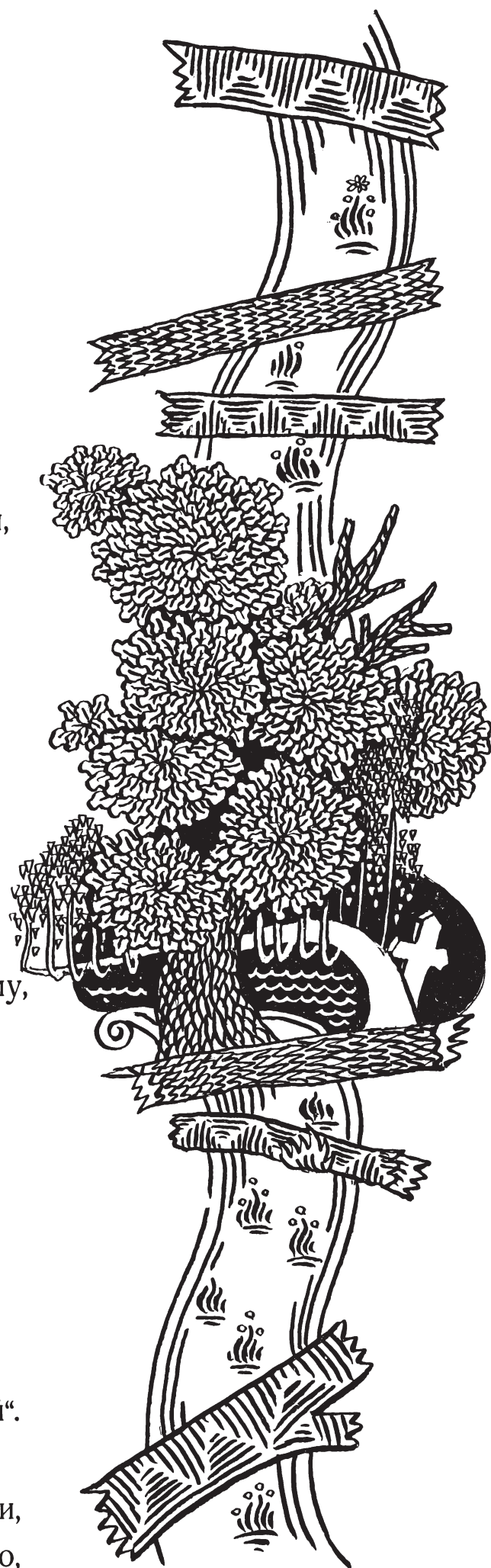
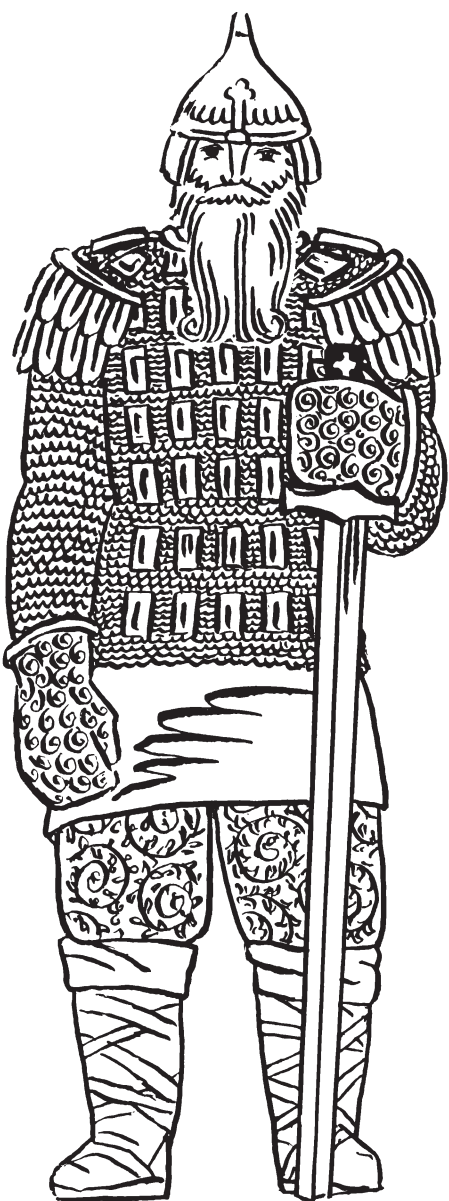
Ехал мимо эту грязь да мимо Черную,

Мимо славу реченьку Смородину,
 Мимо славою березу ту покляпую,
 Мимо славный ехал Леванидов крест“.
 Говорил ему Владимир таковы слова:
 „Ай же мужичище-деревенщина!
 Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
 Во глазах, мужик, да насмехаешься!
 Как у славного у города Чернигова
 Нагнано тут силы много-множество,
 Там пехотою никто да не прохаживал,
 На добром коне никто да не проезживал,
 Туда серый зверь да не прорыскивал,
 Птица чернй ворон не пролетывал;
 А у той ли-то у грязи-то у Черной,
 Да у славной у речки у Смородины,
 А й у той ли у березы у покляпя,
 У того креста у Леванидова
 Соловей сидит Разбойник

Одихмантьев сын.

А как свищет Соловей да по-соловьему,
 Как кричит злодей Разбойник по-звериному,
 То все травушки-муравы уплетаются,
 А лазоревы цветки прочь отсыпаются,
 Темны лесушки к земле все приклоняются,
 А что есть людей, то все мертвы лежат“.
 Говорил ему Илья да таковы слова:
 „Ты Владимир-князь да стольнокиевский!
 Соловей Разбойник на твоём дворе,
 Ему выбито ведь право око со косицею,
 И он ко стремени булатному прикованный“.
 Тут Владимир-князь да стольнокиевский
 Он скорешенько вставал на резвы ноженьки,
 Кунью шубоньку накиннул на одно плечко,

Да он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой да на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.

Говорил ему Владимир-князь да таковы слова:

„Засвищи-ка, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-ка ты, собака, по-звериному“.

Говорил-то Соловей Разбойник

Одихмантьев сын:

„Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати —
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати“.

Говорил-то как Владимир-князь

да стольнокиевский:

„Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Прикажи-ка засвистать ты Соловью да й
по-соловьему,
Прикажи-ка закричать да по-звериному“.

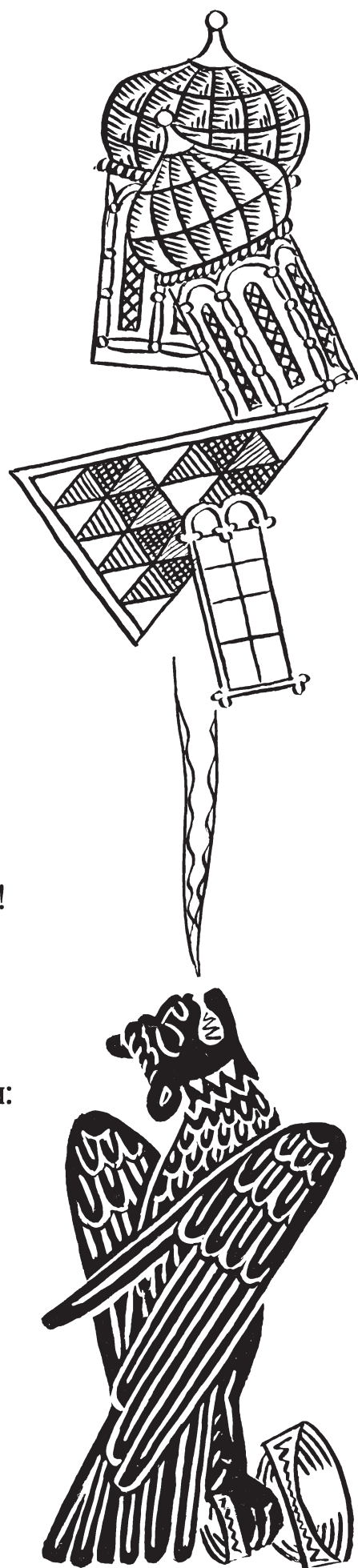
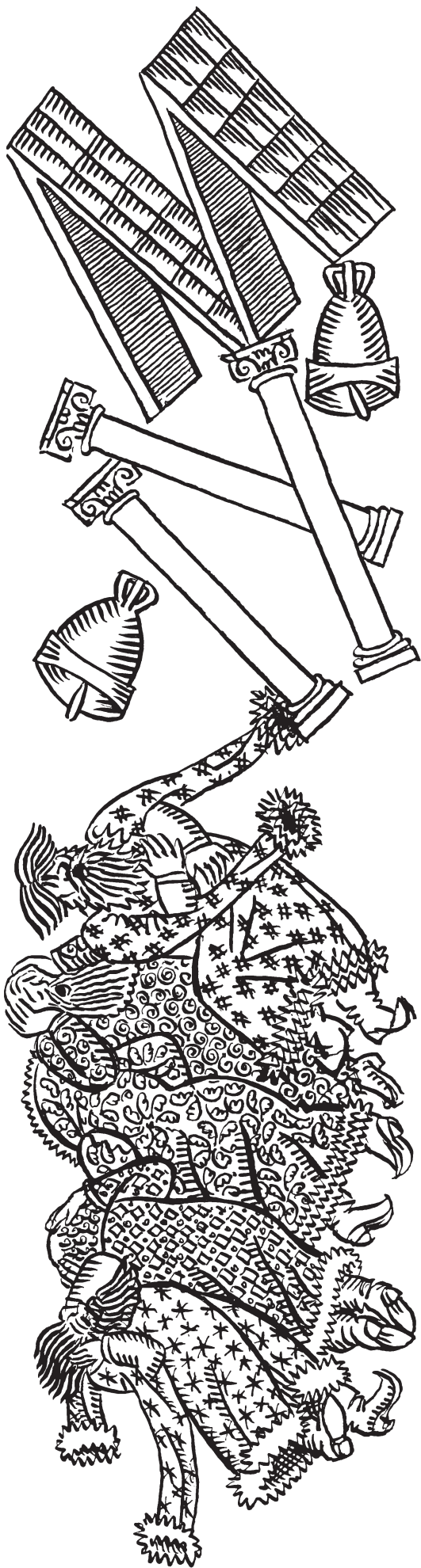
Говорил Илья да таковы слова:

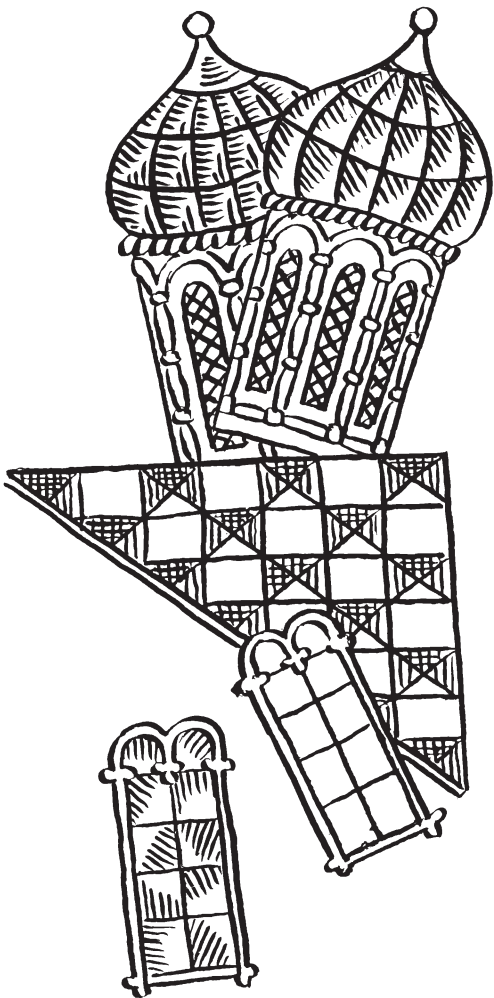
„Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-ка ты во полсвисту соловьего,
Закричи-ка ты во полкрику звериного“.

Говорил-то Соловей Разбойник

Одихмантьев сын:

„Ай же старья казак ты Илья Муромец,
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные:
Не могу я засвистать да по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному
Ай вели-ка князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина,
Я повыпью-то как чару зелена вина,
Мои раночки кровавы пораскроятся,

Да уста мои сахárны порасходяться,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному“.
Говорил Илья-то князю он Владимиру:
„Ты Владимир-князь да стольнокиевский!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ка чару зелена вина,
Ты не малую стопу—да полтора ведра,
Подноси-ка к Соловью к Разбойнику“.
Тут Владимир-князь да стольнокиевский,
Он скорёнько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу—да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью Разбойнику.
Соловей Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной рукой,
Выпил чарочку-то Соловей одним духом,
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-звериному:
Маковки на теремах покривились,
А оконенки во теремах рассыпались
От его от посвисту соловьего,
А что есть-то людьошек, так все

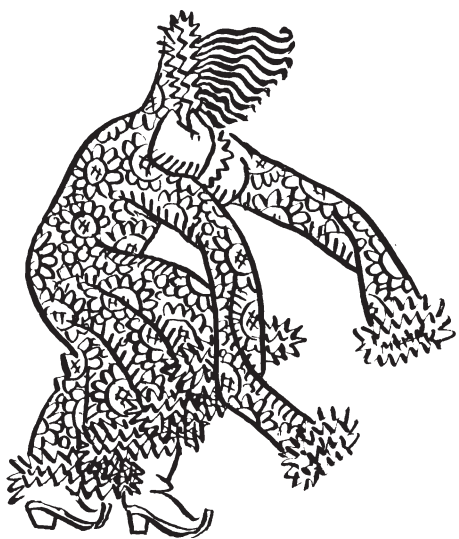
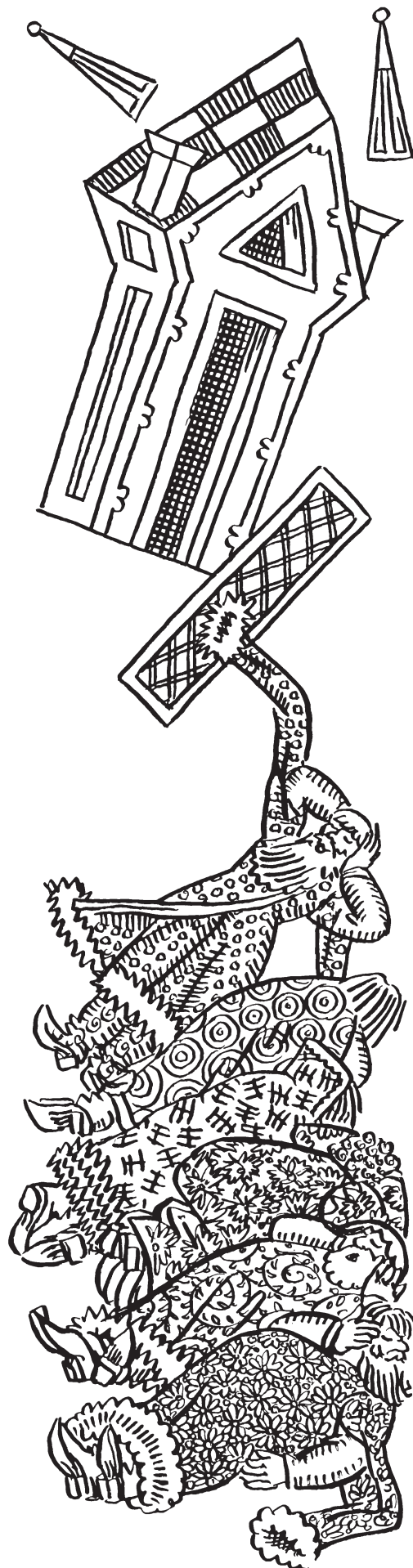
мертвы лежат;

А Владимир-князь-от стольнокиевский
Куньей шубонькой укрывается.

Ай тут старья казак да Илья Муромец,
Он скорешенько садился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
И срубил он ему да буйну голову.

Говорил Илья да таковы слова:

„Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,

Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых,
Тебе полно-тко пуцать-то сиротать да малых
детушек“.

А тут век про Илью да старину поют
Синему морю да на тишину,
А вам, добрым людям, на послушанье.

ХУДОЖНИК
Аркадий
Тюрин

Тексты былин печатаются по изданиям:
Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. I. М., 1861 (первая былина);
Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.,
т. II. М.—Л., 1950 (вторая былина).

Обработка *Ф. М. Селиванова*

Редактор *Л. Г. Шакова*
Художественный редактор *О. М. Абрамов*
Технический редактор *Т. Е. Политова*
Корректоры *Т. П. Татаринцева, Р. М. Тимирязина*

Подписано в печать 7/VII 1977 г. А10566. Бумага 57 × 108/6.
Усл.-печ. л. 5,31. Изд. № 18. Тираж 100000 экз. Заказ 131020. Цена 90 коп.
Гознак. Москва, М-162, Мытная, 17.
Отпечатано на Пермской ордена Трудового Красного Знамени печатной фабрике Гознака.
Пермь, 22, ГСП, шоссе Космонавтов, 115.

ГОЗНАК

